

— То есть... ты хочешь сказать, что оказалась здесь впервые? — ошеломлённо переспросил Линь Кан.

— Да! Легла спать, а проснулась чёрт знает где! — Юй Чжо уныло навалилась на стол, едва не задевая его подбородком. — У меня уже крыша едет от всего этого. Скажите наконец, что это вообще за дыра?

— Ты мертва, — Дао Юй, сохраняя вид лощёного интеллектуала, изящно опустил ладони на столешницу.

— Чего-о?! Какая ещё смерть? Да быть того не может, я просто легла поспать! — Юй Чжо упрямо замотала головой. Конечно, пережитое в лесу заставило её усомниться в реальности происходящего, но принять столь нелепую новость от первого встречного было выше её сил.

— Смерть из-за отделения души от тела. Но её земной срок ещё не истёк, — едва слышно пробормотал Син Шэнли.

Его тихий шёпот потонул в общем гуле голосов, однако сидевший рядом Янь Юй обладал феноменальным слухом и уловил каждое слово.

Янь Юй прищурился и скосил глаза на Син Шэнли. Тусклый свет свисающей с потолка люстры в европейском стиле очерчивал безупречные, словно у фарфоровой куклы, черты его лица.

«Тот, кто знает подобные тонкости, явно не простой игрок».

— То есть... вы хотите сказать, что это загробный мир?! Да твою же мать! А как же мои социалистические ценности?! Нет, погодите, дайте мне прийти в себя... — Юй Чжо, не в силах совладать с шоком, вцепилась пальцами в волосы и лихорадочно забормотала под нос: — Процветание, демократия, гармония...

Линь Кан хотел что-то добавить, но, глядя на её истерику, лишь беззвучно зашевелил губами. В конце концов он промолчал и принялся оглядываться по сторонам, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку.

— Твои часы-фишки показывают количество сыгранных партий, — ровным тоном произнёс Дао Юй.

— Свобода, равенство... Что? Какое ещё количество? — Юй Чжо растерянно моргнула. — Я вообще не ношу часов.

Дао Юй проявлял поразительное терпение во всём, что не требовало от него физических усилий.

— Если твои часы-фишки чёрные, значит, ты слишком долго не заходила в игру. В таком случае нужно срочно продлевать время пребывания в безопасной зоне. Если же они белые — спешить некуда, времени ещё предостаточно.

— Ой! — Юй Чжо поспешно закатала правый рукав. На её запястье красовались часы-фишки, напоминавшие гладкую, словно отполированный белый нефрит, шахматную фигуру. — Погодите-ка... Твою же дивизию, и правда...

Юй Чжо не успела договорить — на широкой лестнице, ведущей к гостиной, появились двое. Одним из них был дворецкий в строгом фраке. Он двигался с привычной, въевшейся в кости учтивостью, а на его лице застыла вежливая, но пугающе неподвижная маска-улыбка. Левой рукой он бережно поддерживал пышный подол прекрасной дамы. На ней было алое платье, расшитое пайетками, которые тускло поблескивали под электрическим светом.

— Боже правый, у нас гости! Какая непростительная задержка! — Хозяйка усадьбы всплеснула руками с преувеличенным драматизмом, будто опоздание к гостям было смертным грехом. — Умоляю, простите меня! Этот несносный бездельник не соизволил разбудить меня вовремя.

Дворецкий бережно усадил её во главе стола, после чего взял поднос с угощениями и принялся изящным жестом расставлять десерты перед каждым гостем.

Син Шэнли поначалу потянулся было к тарелке, собираясь перекусить, но его рука замерла на полпути. Он молча уставился на угощение. Назвать *это* десертом было бы оскорблением для кондитерского искусства.

Прямо перед ним лежало нечто ярко-зелёное, по чему лениво копошились полдюжины жирных изумрудных личинок неизвестного происхождения. Твари то и дело зарывались вглубь лакомства, прогрызая в нём ходы. Точно такие же тарелки стояли перед каждым из присутствующих.

Опустив руку, Син Шэнли просто закрыл глаза. С глаз долой — из сердца вон.

Остальные едва сдерживали рвотные позывы. Ни у кого не возникло ни малейшего желания прикоснуться к мерзости. В ярком свете ламп копошащиеся личинки были видны во всех деталях, что лишь добавляло омерзения.

— Что же вы не угощаетесь? — хозяйка подпёрла подбородок изящной ладонью и приветливо улыбнулась. — Неужели не по вкусу?

Чтобы развеять сомнения гостей, она решила показать пример. Тонкие пальцы подцепили кусок пирожного, и женщина отправила его в рот. В ту же секунду на зубах с мерзким хрустом лопнули личинки, брызнув мутным зелёным соком. С наслаждением пережевывая склизкую плоть насекомых, она то и дело демонстрировала белоснежную улыбку, мгновенно испачканную ядовито-зелёной жижой. Проглотив лакомство, дама небрежно промокнула губы

уголком салфетки.

— Ну прелесть же, правда?

Свидетелей этой сцены едва не вывернуло наизнанку. Даже те, кто не помнил, ужинал ли вчера, почувствовали, как желудок сжимается от спазма. Юй Чжо и вовсе позеленела — ей казалось, что из неё сейчас хлынет желчь.

«Да она просто реинкарнация Беара Гриллса! Жрёт всё, что шевелится!»

Дао Юй ответил на это со всей серьёзностью, на которую был способен:

— Простите, но данная субстанция грубейшим образом нарушает закон КНР о безопасности пищевых продуктов. Я не намерен подвергать риску свою иммунную систему, а потому вынужден отказаться от предложенного вами угощения.

Присутствующие лишились дара речи.

«Ты что, блядь, робот?»

— Ну... раз вы не хотите... — лицо хозяйки на долю секунды исказила свирепая, почти звериная гримаса. Она явно пыталась сдерживаться, и её мимика на мгновение превратилась в пугающее зрелище: красота боролась с уродством злобы.

Линь Кан, как самый опытный ветеран Шахматной доски, мгновенно подобрался, готовый к худшему.

— Что ж, тогда я просто поведаю вам историю этого особняка, — лицо женщины наконец разгладилось, вернув прежнюю привлекательность. Было очевидно, что ей стоило немалых трудов подавить вспышку гнева.

Син Шэнли открыл глаза и весь обратился в слух, выпрямившись на стуле. Сидевший по соседству Янь Юй негромко фыркнул, за что тут же удостоился ледяного, уничтожающего взгляда юноши.

— Этот дом я когда-то выкупила у одного старика, — улыбнулась хозяйка. Голос её звучал мягко и тепло, словно у любящей бабушки, хотя на вид ей нельзя было дать больше тридцати. — Немного перестроила его и решила открыть здесь приют. Очень уж я люблю возиться с крошками... К старости, знаете ли, так хочется детского смеха рядом.

— Но знали бы вы, какое несчастье таил в себе этот особняк... Раньше это было проклятое, гиблое место. Я всем сердцем полюбила сирот, но этот дом... он забрал их всех. Убил моих

малюток. И теперь я навеки привязана к этой проклятой земле, не в силах её покинуть, — женщина прижала пальцы к вискам. В её глазах заблестели слёзы, а голос дрожал от такого неподдельного горя, что любой случайный свидетель невольно разделит бы её печаль.

— Они перемалывали моих бедных детей... делали из них мясной фарш... Боже, за что?! Разве могут люди быть столь жестокими? — Хозяйка закрыла лицо ладонями и зашлась в беззвучных рыданиях.

В сознание гостей хлынули жуткие картины, словно вызванные чужой злой волей. Перед глазами заплясали кошмарные образы: безумец рубит на куски пятилетних крох и бросает их в кипящий чан. Стены заполнил отчаянный детский визг, бьющий по натянутым нервам. В бурлящей воде копошились изуродованные тельца не только дошколят, но и совсем крошечных младенцев. После варки это жуткое варево раскладывали по стеклянным банкам...

— Кто они? — тихий, холодный голос Син Шэнли мгновенно развеял наваждение.

— Они? Ха-ха... Они — чудовища. Твари куда более кошмарные, чем любые призраки! — хозяйка разразилась безумным смехом и, резко развернувшись, направилась вверх по лестнице.

Дворецкий, разумеется, тоже не остался внизу. Перед тем как уйти вслед за госпожой, он окинул гостей тяжёлым взглядом и предупредил:

— Когда наступит полночь и вы отправитесь отдыхать, соблюдайте абсолютную тишину. Не смейте издавать ни звука, иначе *оно* явится за вами.

На его губах заиграла зловещая ухмылка. Казалось, он спит и видит, как кто-нибудь из них сорвётся на крик и отправится на тот свет.

По залу пронёсся ледяной сквозняк. Гости невольно вздрогнули.

Как только шаги хозяев затихли на втором этаже, Юй Чжо, шмыгая носом, едва не расплакалась:

— Да что это за чертовщина?! Пожалуйста, я хочу домой...

— Милая барышня, отсюда нельзя выбраться, не пройдя хотя бы десять раундов игры, — подал голос Янь Юй, до этого хранивший молчание. — Так что держись зубами за жизнь.

— Ой, спаситель! — Юй Чжо мгновенно воспрянула духом, напрочь забыв о жутких предостережениях и о том, в какой беспросветной дыре оказалась. — Мы ведь так и не узнали твоего имени!

— Янь Юй. «Янь» — как в имени владыки преисподней Яньло, «Юй» — драгоценный металл, — улыбнулся мужчина. Ему ещё не доводилось встречать настолько наивных девиц в этом чистилище. — Рад знакомству.

Син Шэнли безучастно наблюдал за ними, погружённый в собственные мысли. Заметив его отсутствующий взгляд, Янь Юй бесцеремонно протянул руку и взъерошил шелковистые волосы юноши. Парень тут же ожёг его таким свирепым взглядом, что капитан благоразумно отдернул ладонь.

— Проклятый дом... Ночью нельзя шуметь, иначе придёт чудовище и сделает из нас фарш... Что всё это значит? Какова истинная разгадка этой истории? — тихо подал голос Сюй Вэнь, который до сих пор держался в тени и ничем не привлекал к себе внимания.

— Исходя из имеющихся данных, — заговорил Дао Юй, механически чеканя слова подобно исправному компьютеру, — ночной гость с высокой долей вероятности окажется призраком одного из убитых сирот. И эти дети станут нашими противниками. Кроме того, доверять словам хозяйки нельзя. Нечисть априори не способна на искренность.

Син Шэнли покосился на Дао Юя. В его душе шевельнулось странное сомнение.

«В этом существе нет искры жизни. По сути, он лишь кусок бездушного железа, но при этом говорит, ходит и рассуждает как человек».

— Особняк крайне опасен, особенно в ночное время, — подал голос Линь Кан. Как человек практичный и осторожный, он всегда стремился минимизировать риски. — Сейчас уже около пяти вечера. Предлагаю дождаться утра и только тогда приступить к осмотру здания.

Юй Чжо тоже не понимала, к чему клонила хозяйка усадьбы — её рассказ оставил больше вопросов, чем ответов. Оставалось лишь согласиться и отложить исследование проклятого места до рассвета.

— Разумное решение, — кивнул Янь Юй, после чего вежливо обратился к присутствующим: — Но прежде чем мы разойдёмся, позвольте задать один вопрос, господа игроки.

— Спрашивайте, — без промедления отозвался Дао Юй.

Остальные промолчали. Линь Кан и Сюй Вэнь замерли в нерешительности, а Юй Чжо продолжала тихо страдать, тщетно пытаясь осознать весь ужас своего положения.

— Какую подсказку вы вынесли из предыдущего раунда? — Янь Юй дружелюбно улыбнулся, но в глубине его глаз промелькнул расчётливый блеск. — Полагаю, никто из вас не горит желанием остаться здесь навечно в виде свежего фарша.

— Что подразумевается под термином «подсказка»? — спросил Дао Юй, верный своему правилу прояснять любую неизвестную переменную.

Янь Юй проигнорировал его вопрос, переведя выжидающий взгляд на Линь Кана и Сюй Вэня.

— Эх, подсказка... — вздохнул Линь Кан, понимая, что перед ним опытный боец. — Сразу видно, ты тут не первый день. Что ж, скрывать бессмысленно. В прошлом раунде мне достался вот этот листок. Сплошная чертовщина, которая только притягивает тварей. Мне от неё никакого проку, так что держи.

Он выудил из кармана сложенный белый лист бумаги, исписанный ровными печатными иероглифами, и протянул его Янь Юю.

На бумаге значилось:

* «В полночь младенческий плач раздаётся,*

Смерть или жизнь — тишиной изберётся».

— Есть отличия от того, что удалось разузнать тебе? — неожиданно подал голос Син Шэнли.

— Суть та же, — отозвался Янь Юй, изучая текст. — Но здесь формулировка куда точнее.

— Ребят, ну пожалуйста! Хватит говорить загадками! — взмолилась Юй Чжо, чувствуя, как её плавающие мозги окончательно превращаются в кисель. — У меня и так голова раскалывается!

Пока остальные собирались с мыслями, Сюй Вэнь, явно желая хоть как-то заявить о себе, торопливо пояснил:

— Плач младенцев раздастся ровно в полночь. «Тишиной изберётся»... Очевидно, наше спасение напрямую связано с молчанием. Либо нам категорически запрещено издавать звуки, иначе призрачные младенцы разорвут нас на части.

Дао Юй ненадолго задумался, словно просчитывая в уме сложное уравнение.

— Вероятность верности данной гипотезы составляет восемьдесят процентов. Оставшиеся двадцать я бы отвёл на непредвиденные действия со стороны хозяйки усадьбы и дворецкого.

После этих слов в зале воцарилась тяжёлая, гнетущая тишина.

Син Шэнли медленно обвёл взглядом присутствующих, но не проронил ни слова, решив не выдавать своих мыслей. Молчание затягивалось, становясь почти осязаемым. В этой звенящей тишине каждый остался наедине со своими страхами и скрытыми намерениями, пряча под маской спокойствия собственных демонов.

Янь Юй перевёл взгляд на окно. Последние лучи заходящего солнца стремительно угасали. Короткие багровые сумерки уступали место глухой ночной тьме, которая постепенно проникала в душу, пробуждая первобытный страх.

— Пора закругляться, — негромко произнёс Янь Юй. — Дворецкий упомянул, что мы можем занять любые комнаты на втором этаже, кроме самой последней. Туда соваться строго запрещено. Не глупите и держитесь вместе. Всем всё ясно?

Никто не стал возражать. Даже за то недолгое время, что они провели вместе, любой мало-мальски проницательный человек понял, что Янь Юй и Син Шэнли выделяются на фоне остальных. Молчаливое признание их авторитета пришло само собой.

— В этом раунде нас всего шестеро, — тихо бросил Син Шэнли перед тем, как ступить на лестницу. — Не ищите неприятностей, и тогда у нас появится шанс выжить.

Под пристальными взглядами попутчиков он медленно поднялся на второй этаж. Янь Юй тут же последовал за ним. Остальные четверо, не желая оставаться в темнеющей гостиной в одиночестве, поспешили наверх.

За окнами окончательно стемнело. Никто не знал, какие ужасы принесёт с собой грядущая ночь, но семена липкого страха уже дали свои первые всходы в сердцах выживших.

<http://bllate.org/book/19739/2007126>